

Джон Диксон Карр

УБИЙСТВА
ЕДИНОРОГА

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
К 26

John Dickson Carr
THE UNICORN MURDERS
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1935
THE PUNCH AND JUDY MURDERS
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1936
THE TEN TEACUPS
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1937
Published by arrangement with David Higham Associates Limited
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved

Перевод с английского
Изабеллы Захаряевой, Елены Скляренко, Михаила Тарасова

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

Карта выполнена Александром Сабуровым

Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

© И. Г. Захаряева, перевод, 2024
© Е. Н. Скляренко, перевод, 2024
© М. В. Тарасов, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-25630-9

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лев и единорог

Позвольте мне изложить вам один случай и спросить, что бы вы сделали в подобных обстоятельствах.

Итак, вы проводите отпуск в Париже. Стоит пора свежей листвы, когда весна уже почти сменилась летом. Ничто вас не беспокоит, и вы пребываете в полном согласии со всем миром. Однажды вечером, когда уже близятся сумерки, вы сидите на террасе ресторана «Лемуан» на рю Руаяль и пьете аперитив. Затем вы замечаете девушку, с которой познакомились в Англии. Девушка эта — которая, кстати, всегда казалась вам довольно чопорной — подходит прямо к вашему столику и без тени улыбки зачитывает детский стишок. Затем, подсев к вам за столик, она сбивает вас с толку тарабарщиной, какой вы в жизни не слышали. Как вам такое?

Что я сделал? Ну разумеется, подыграл ей. Подыграл — и таким образом оказался вовлечен в череду событий, от одного воспоминания о которых меня до сих пор бросает в жар. И не только потому, что ничего хуже со мной не случалось за все долгие годы службы в разведке, но также из-за ужасных последствий, которые могли быть вызваны моей невинной, в сущности, ложью. Я был настоящим болваном, но меня тогда не на шутку зацепила эта самая Эвелин Чейн. А весенний Париж способен толкнуть на любую глупость.

Когда год назад или около того Г. М. уговорил меня написать историю убийства в Чумном дворе, я и не думал, что снова возьмусь за перо. Но в некотором смысле я просто вынужден (как вы поймете, если захотите ознакомиться с моей историей) описать происшедшее. Начну с биографических подробностей. Они

мне даются с трудом, но, к сожалению, без них тут не обойтись. В моем паспорте значится имя Кенвуд Блейк. Возраст — тридцать восемь. Место жительства — Эдвардиан-хаус, Бёри-стрит, в лондонском районе Сент-Джеймс. О профессии не стоит и говорить. Я не люблю работать и признаю это. Потому карьера моя была какой угодно, только не блестящей. Меня готовили для дипломатического поприща и битком набили языками. В 1914 году я перебрался через Атлантику в качестве атташе британского посольства в Вашингтоне, а год спустя, несколько возмужав, добился назначения в полк шотландских горцев — Сигрейв хайлендерс. Никто не обнаружил моей некомпетентности, и пару лет я не так уж плохо справлялся со своими обязанностями. Я надеялся получить батальон ровно перед тем, как попал под обстрел в Аррасе, но, когда я выздоравливал, меня признали негодным к действительной службе и уволили в запас.

Затем, уже в Лондоне, сырым, унылым днем, когда на душе кошки скребли, я столкнулся с Г. М. Мне никогда не забыть, как он ковылял по улице Уайтхолл: громоздкий цилиндр сдвинут на затылок, очки съехали на нос, пальто с траченным молью меховым воротником нелепо топорщится сзади. Он брел, угрюмо понурясь, не разбирая дороги, и на ходу с такой яростью потрясал кулаком, с таким неистовством осыпал проклятиями чинуш из правительства, что рисковал навлечь на себя обвинения в прогерманских настроениях. Думаю, он сразу понял, как у меня обстоят дела, хотя вы бы ни за что не догадались об этом по его приветствию, и затащил к себе в логово с видом на набережную. Вот так я и поступил в секретную службу. По словам Г. М., у меня не было для нее никаких особых данных, кроме недостатка хитрости.

Бесхитрость, по уверениям Г. М., качество для разведчика поистине бесценное. Немало изворотливых умников, утверждал он, предстало перед расстрельными командами или закончило жизнь с ножом в спине, и это не так нелепо, как кажется, если хорошенько подумать. Он прочитал мне обычную свою лекцию о том, что сам род моей деятельности поставит меня за грань дозволенного и Г. М. ничем не сможет мне помочь, если я вляпаюсь. Что тут скажешь? Только одно: он лгал. Уж мне-то

известно: Г. М. способен в пух и прах разнести Кабинет министров, задействовать все ресурсы Министерства иностранных дел, чтобы защитить самого незначительного своего агента. Это птенцы его гнезда, говаривал старик, и он готов прикрыть им спину, а если это кому-то не нравится, пусть проваливает к такой-то матери.

Я быстро перешел из контрразведки в разведку, что означало работу за границей, и подвизался там до конца войны. Не стану пускаться в рассказы о моих приключениях и славных парнях, которые делили тогда со мной горести и радости. Но я вспоминал о них теперь, сидя на террасе «Лемуана» на рю Руаяль и потягивая «дюбонне», за два дня до серебряного юбилея короля Георга¹.

Все случилось, если быть точным, четвертого мая в субботу. На следующий день я должен был лететь в Лондон на празднование юбилея. Парижская лень погрузила меня в летаргию хорошего настроения. Париж благоухал цветами и был наполнен сиянием прекрасной погоды. Молодая листва казалась прозрачной. Сквозь нее просматривались высокие фонари. Солнечный свет струился янтарным теплом, окутывая им темно-зеленые живые изгороди за уличными кафе. Воздух был наполнен гулом машин и голосами прохожих, которые перекрывало монотонное кряканье клаксонов такси.

Было около восьми часов вечера — самое время подумать об ужине, — когда налетел шквалистый ветер, обычно предшествующий весеннему ливню. Тент захлопал у меня над головой. Пыльный вихрь подхватил газетные листы, похожие на белые фартуки официантов. А я, надо вам сказать, вот уже две недели не заглядывал ни в одну из них, разве что мельком бросал взгляд на заголовки. Порыв ветра пронес мимо меня газету, и я наступил на нее ногой. «Подготовка к юбилею короля Англии», — глянул один заголовок. «Волнения в Индии», — возвещал другой. Но самый большой ажиотаж вызвала ситуация вокруг неких Фламана и Гаске.

¹ 6 мая 1935 г. Великобритания отмечала пышными торжествами 25-летие правления Георга V (1865–1936).

Собственное неведение слегка раздосадовало меня, как бывает, когда до тебя не доходит смысл фразы, которую ты слышишь отовсюду. Так, я лишь недавно узнал, почему много лет подряд люди к месту и не к месту вворачивают: «Да, у нас нет бананов» — и откуда взялась эта присказка¹. И подобно тому как ты спрашиваешь себя: «Что, черт побери, должно означать это „Да, у нас нет бананов“?» — теперь я ломал голову над тем, кто такие Фламан и Гаске. Казалось, все только о них и говорят. Даже в разговорах на немногочленной сейчас террасе то и дело звучали их имена. Они заполнили Париж, как криканье клаксонов. Отчего-то я решил, что речь идет о боксерах, которые должны сойтись на ринге, или даже соперничающих членах французского Кабинета министров. Так или иначе, заголовок статьи, которую мне было лень читать, объявлял, что один бросил зловещный вызов другому, и сопровождал это множеством превосходных степеней.

Официант поспешил за улетевшей газетой. Возвращая ее, я под влиянием импульса спросил невпопад:

— Вы за Фламана или за Гаске?

Результат был поразительным. Проходивший мимо полицейский внезапно остановился, ссутулил плечи, как будто ему выстрелили в спину, и медленно вытянул шею, чтобы смерить меня недобрый взглядом, выдававшим худшее подозрение, когда-либо выводившее человека из душевного равновесия. Затем он протиснулся на террасу через узкий проход в живой изгороди.

— Ваш паспорт, мсье, — отрывисто произнес он.

Официант издал громкий рокошущий звук, выражающий неодобрение. Он наклонился и быстро протер стол салфеткой, что обычно указывает: сейчас официант заговорит.

— Этот джентльмен ничего плохого не имел в виду, — объявил он. — Это был всего лишь способ...

— Англичанин, — скривил губы полицейский, изучая мой паспорт, после чего издал ни к чему не обязывающий звук. — Вы употребили слова, которые могли послужить кому-то сиг-

¹ Эта фраза («Yes! We have no bananas») звучит парадоксально, поскольку в английском языке утвердительная частица «yes» не употребляется перед отрицанием. Она стала расхожим выражением в 1923 г. с легкой руки американского комика Фрэнка Сильвера, написавшего песенку с таким названием.

налом, хотя могли и не послужить. Сами понимаете, я не хочу мешать безобидному путешественнику, но...

Мне хотелось его успокоить, ибо страж порядка цедил слова сквозь зубы и теребил усы, явно снедаемый мрачными подозрениями. Но я и представить себе не мог, что его так взволновало. Если дело касалось политики, чего-то вроде дела Ставиского¹, тогда я, возможно, шел по тонкому льду.

— Вероятно, всему виной мой скверный французский, мсье, — извинился я с поклоном, который всегда заставляет вас чувствовать себя полным дураком. — По правде говоря, я брякнул это, не подумав. У меня нет ни малейшего желания унижать ваших боксеров или членов Кабинета министров.

— наших кого?.. — спросил полицейский.

— Ваших боксеров, — повторил я, сопроводив эти слова хуком слева в воздухе, — или ваших министров. Я решил, что эти джентльмены либо те, либо другие...

И тут я понял, что могу выдохнуть, пусть даже мы и привлекли к себе настороженное внимание окружающих. Ажан² хохотнул сквозь зубы и притопнул ногой.

— Ну вот, — сказал он, — как вам это нравится, а? Они смеются над вами, наши парижане. У них плохие манеры, мсье, за что я приношу свои извинения. Простите, что побеспокоил. До свиданья, мсье.

— Но послушайте, — окликнул я, — кто такой этот Фламан?

Наверное, он был склонен к драматическим эффектам, что сослужило мне скверную службу в дальнейшем. Уже развернувшись, чтобы уйти, блюститель порядка оглянулся.

— Он убийца, мсье, — отчеканил полицейский.

Затем, расправив плечи, он отдал честь и проскользнул через живую изгородь, как будто задернув за собой занавес. Я попытался, чтобы не привлекать внимания публики, отмахнулся от официанта и только через несколько секунд понял, что ажан ушел с моим паспортом.

¹ *Дело Ставиского* — финансово-политическая афера, обострившая политическую борьбу во Франции и вызвавшая кризисную ситуацию в стране в период с декабря 1933-го по февраль 1934 г.

² *Ажан* — французский полицейский.

Затем события стали развиваться стремительно. Я не соби-
рался скандалить, поскольку и так привлек к себе слишком
много внимания. Вскоре после своего триумфального и драма-
тического ухода полицейский обнаружит у себя в руке мой па-
спорт и возвратит его. В любом случае официант наверняка
знает номер, выбитый на жетоне ажана, и я смогу с легкостью
получить свой документ обратно. Успокоив себя этими сооб-
ражениями, я как раз садился, когда увидел Эвелин Чейн. Она
попала на террасу через другой вход, что дальше по улице, бли-
же к площади Согласия. Похоже, она видела, если не слышала,
последнюю часть моей беседы с полицейским. Моей первой
мыслью было, что я, должно быть, всегда выгляжу дураком в ее
глазах. Мысль эта возникла даже раньше удивления, которое
я испытал, обнаружив девушку перед собой. Узрев ее на фоне
ветреного темнеющего неба, в котором начинали мерцать ро-
зоватым вечерним светом фонари, я едва не подпрыгнул. Не от
недоброго предчувствия или чего-то в этом роде. Возможно,
меня поразило то, как она выглядит и как одета. На самом деле
я даже не был до конца уверен, что это Эвелин.

Если бы мысли о ней преследовали меня, в этом не заключа-
лось бы ничего удивительного, хотя она и не была моей давней
знакомой — я и встречал-то ее всего раза четыре. Так вот, не
примите это за скабрзность, но кареглазая брюнетка Эвелин
принадлежала — по крайней мере внешне — к числу тех деву-
шек, о которых грезит весь батальон, возвращаясь с передовой
после трех недель под обстрелом. Но (по крайней мере, в то
время, о котором я пишу) она не мирилась с истинным своим
предназначением. Утверждала, будто хочет, чтобы ее ценили за
ум, и я, как дурак, ей поверил. Или почти поверил. Она «за-
нималась политикой». Иначе говоря, состояла секретарем при
известном члене парламента, чье имя у всех на устах, чтобы за-
тем выставить свою кандидатуру на выборах в каком-нибудь
округе, одержать победу и со временем обрести печальную из-
вестность леди Астор¹. Ужасная мысль.

¹ Виконтесса Нэнси *Астор* (1879–1964), увлекшись политикой, стала пер-
вой в истории Англии женщиной-депутатом палаты общин. Тогда она была там
единственной дамой и привлекала всеобщее внимание.

Обманутый ее чертовски холодной и непринужденной манерой рассуждать о прогрессе, служении, будущем народа и других подобных вещах, которые кажутся мне чистой воды чушью, я не знал, чему и верить. Эвелин совершала настоящее надругательство над своей природой, нося сшитые на заказ строгие костюмы и пенсне на цепочке, тянувшейся к уху.

Таково было мое мнение о ней — до описываемого вечера у «Лемуана». Там я увидел Эвелин такой, какой ей надлежало быть. Девушка, вступившая на террасу, была одета во все светлое. На ней было что-то вроде белой спортивной куртки и сдвинутая набок белая шляпка. Кожа Эвелин словно светилась изнутри и имела тот теплый коричневато-золотистый оттенок, который так редко видишь у реальных женщин из плоти и крови. Ее карие глаза были устремлены на меня. Они казались бесстрастными, но в ее движениях, когда она открывала и закрывала защелку своей сумочки, угадывалась нервозность. Девушка подошла к моему столику, и я вскочил.

— Привет, Кен, — сказала она холодно, как в старые добрые времена.

— Привет, Эвелин.

Затем так же серьезно она произнесла:

— «Вел за корону смертный бой со львом единорог, гонял единорога лев вдоль городских дорог...»¹

Услышав нечто подобное несколькими минутами ранее, я бы либо рассмеялся, либо спросил, о чем это она. Но все произошло слишком скоро после необъяснимой истории с полицейским. Я чувствовал, что мой спокойный отпуск принимает странный оборот. Меня влекло в череду безумных событий. Стрелка компаса повернулась, и я должен был следовать ее направлению.

— Погоди, — пробормотал я. — А что там дальше? «Кто подавал им черный хлеб, а кто давал пирог, а после их под барабан прогнали за порог».

Она вздохнула с облегчением и села, по-прежнему не сводя с меня глаз.

¹ Песенка из книги Льюиса Кэрролла «Алиса в Зазеркалье» (гл. VII). Перевод с английского В. Левина.

— Закажи мне что-нибудь выпить, хорошо, Кен? — попросила она. — Знаешь, я ужасно рада, что это именно ты.

— Я тоже. И не вздумай возражать, если я скажу, Эвелин, что ты выглядишь именно так, как должна.

Она по-прежнему не улыбалась. Карие глаза с любопытством рассматривали меня, брови были приподняты, а лоб слегка наморщен.

— Я чувствую облегчение, — тихо произнесла она. — Возможно, сейчас мы сможем кое-что прояснить. Та последняя встреча... Ну, мне казалось, все пошло наперекосяк, правда?

— Так и было, — признался я. — И весь этот кавардак случился по моей вине. Если бы я не сделал тех замечаний о твоих друзьях-эстетах...

Эвелин усмехнулась. Это была не улыбка, а честная ухмылка, от которой ее глаза озорно вспыхнули, и в них отразился Париж. В тот момент в ней, казалось, было столько жизни, ее кожа отливала таким золотом и такой в ней чувствовался бесенок, что я готов был стонать от удовольствия. Сложив руки на груди, она слегка подмигнула.

— Я могла бы сказать тебе, что сама думаю о своих друзьях-эстетах, — заявила она, — если бы ты только намекнул, Кен! Если бы только ты сказал, что все еще служишь. У тебя было такое непроницаемое лицо всякий раз, когда я пыталась затронуть эту тему... Видишь ли, я должна была знать. Я дошла до того, что спросила Г. М., чем ты занимаешься. Но так и не получила никакого ответа. Ничего, кроме непристойных замечаний обо мне и о том, что мне следовало бы подумать о замужестве... И да, о каком-то человеке по имени Хамфри Мастерс. Но сейчас я должна вернуться к делу и рассказать...

Ее лицо снова стало серьезным. Она быстро огляделась по сторонам, а затем я услышал следующие сбивающиеся с толку заявления:

— Сэр Джордж Рамсен привезет единорога в Лондон. Сегодня вечером мы должны отправиться к «Слепцу», но я не знаю зачем, потому что сэр Джордж приедет в Париж.

— Хм, — отозвался я.

Стрелка компаса дико задергалась.

Она порылась в сумочке.

— Сэр Джордж прибыл в Марсель вчера. Он предпочитает летать обычными авиалиниями, потому что не доверяет частным самолетам. Сегодня из Марселя в Париж вылетают два самолета французской авиакомпании «Эйр юнион». Он отправится вторым, который прибудет в Ле-Бурже сегодня, в девять пятнадцать вечера. Последние инструкции, которые я получила, заключались в том, что мы с тобой должны поехать к «Слепцу» — это гостиница в паре миль от Орлеана — и быть там не позже одиннадцати часов. Я так понимаю, что по какой-то причине сэр Джордж, едва добравшись до Парижа, намерен развернуться и махнуть напрямиком в ту гостиницу. Паролем служит стишок о Льве и Единороге, прочитанный от начала до конца. Но это все, что я знаю. Как я поняла, подробности мне сообщат на месте. А что сказали тебе?

Чтобы выиграть время, я заказал еще два «дюбонне» и сигареты для Эвелин, а затем старательно раскурил трубку. Как станет понятно из дальнейшего, мне не следовало совать нос в это дело. Очевидно, я должен был прямо сказать Эвелин, что я не тот, с кем она, по всей видимости, должна встретиться у «Лемуана». И если бы объявился настоящий агент... Однако упрямая человеческая душа редко следует торной дорогой. Я наслаждался происходящим и не хотел, чтобы Эвелин ускользнула от меня. Помимо всего прочего, я полагал, что смогу показать себя не хуже того, вероятно, еще зеленого агента. Собственно, я собирался им стать.

— А ты не в курсе, — начал я, — о каком единороге идет речь?

— Нет! Надеялась услышать это от тебя.

— Ну... Дело в том, Эвелин, что я и сам теряюсь в догадках.

Она уставилась на меня:

— Ну конечно... Но где ты получаешь указания?

— От самого Г. М., а ты знаешь, каков он.

Имелось одно утешение: Г. М. был слишком ленив, чтобы тащиться во Францию, когда в Лондоне ожидались фейерверки, и потому не смог бы меня разоблачить. Но теперь, когда я уже влез в это дело, мне вдруг сделалось неловко, и я проклял себя за обман. Это была нечестная игра. Тем не менее — такова

уж человеческая натура — я утешал себя мыслью, что всегда могу открыть ей правду... Ну хотя бы сейчас.

— Но все-таки нам требуется сравнить наши инструкции, — продолжила Эвелин.

— А известно ли тебе еще что-нибудь, — попробовал я увести разговор в сторону, — хоть какая-то информация?

— Ничего, кроме того, что ты наверняка и сам видел в газетах. Фламан утверждает, будто полетит тем же рейсом.

— Фламан?! — воскликнул я и обжег пальцы спичкой.

— Да, Кен. И готова поспорить, оттого наши и всполошились еще до того, как узнали, что он выступил с такой угрозой. Вот что делает наше задание очень опасным. Я охотно признаю, что мне страшно, но теперь, рядом с тобой, я чувствую себя лучше. — Она откинула назад прядь темных волос и улыбнулась, хотя взгляд ее беспокойно блуждал по стенам. — О, я знаю, он тяготеет к театральным эффектам, даже слишком, на мой вкус, и обожает изыски! Но самое неприятное то, что он всегда исполняет обещанное. Говорят, на сей раз Гаске схватит его. Хотя я в этом сомневаюсь.

— Послушай, — прервал я, на мгновение забыв о роли, которую намеревался играть, — кто такие Фламан и Гаске? Честное слово, о них не упоминалось ни в каких инструкциях, которые я получал. Нет, я не шучу. Кто этот Фламан?

Она слегка поморщилась:

— Тебе следовало бы, по крайней мере, читать газеты. Фламан — самый колоритный преступник, которым Франция козыряла на протяжении последних лет. Французам нравятся колоритные преступники. Они ликуют и хвастаются ими, даже когда подобных типов отправляют на гильотину. Этот поединок обсуждают не менее горячо, чем футбольный матч в Англии...

— Поединок?

— Между супермошенником Фламаном и главным инспектором полиции Гаске. О, не будь таким тугодумом, Кен! И не смейся. Возможно, в Англии ничего такого случиться не может, но здесь — сколько угодно. Это дико, фантастично, но это правда. — Серьезное выражение ее лица несколько охладило мое веселье, и она продолжила с какой-то угрюмой сосредоточенно-

стью: — Никто не знает, как выглядит Фламан. С другой стороны, никто не знает и того, как выглядит Гаске, — за исключением нескольких самых близких ему людей. Это его главный козырь. Ни одного из них нельзя назвать полиглотом, но вот завыка: каждый из них в совершенстве владеет тремя языками. Не просто хорошо, а идеально, неотличимо от тех, кто говорит на них сызмальства. Это французский, английский и немецкий. Каждый из двух способен выдать себя за англичанина или американца и обмануть тебя или меня. Наконец, оба хамелеоны, которым по плечу любая избранная роль. Я имею в виду не банальный маскарад, накладные усы, парики или что-нибудь в этом роде. Поскольку никто никогда не видел Фламана и не запомнил его лица, что помешает ему выдавать себя за врача или юриста?

— А также архиепископа или балерину...

Она пристально на меня посмотрела:

— Не говори так, Кен, пока не познакомишься с его послужным списком. Я думаю, тогда тебе не захочется шутить. И я отношусь к тому, что ты сказал, совершенно серьезно. Да, он мог бы принять обличье архиепископа. Хотя сомневаюсь, что справился бы с ролью балерины. Видишь ли, хотя никто не смог бы в точности его описать, все знают, что он довольно высок и у него весьма низкий голос... — Она открыла сумочку и достала блокнот. — Просто взгляни на это, хорошо? Не думаю, что тогда у тебя останется желание шутить.

Помимо воли я испытал неприятное чувство.

— Послушай, Эвелин, эти мастера маскировки не одурачат никого имеющего хоть какой-то опыт в нашем деле. Но ты говоришь, этот человек — убийца...

Она резко обернулась:

— Я этого не говорила, Кен. Но ты тоже так считаешь? Значит, и ты видел ту заметку в утренней газете об убийстве в Марселе? Я знаю, это убийство — дело рук Фламана, хотя его никто не подозревает... Это первый раз, когда его вынуждают убивать. Он... — Ее возбуждение поутихло, она уставилась на меня. — Послушай, Кен, в чем дело? Почему ты назвал его убийцей? Фламан никого не убивал до вчерашнего дня. И пока никто не связывает с ним это дело. Кто тебе сказал, что он убийца?

— Полицейский, — ответил я и осекся.
Куда, черт побери, запропастился этот ажан с моим паспортом?

ГЛАВА ВТОРАЯ Красная машина

Вероятно, это было совпадение. Совпадение, и ничего больше. Так или иначе, оно заставило меня чертыхнуться и оглядеться рю Руаяль вдоль и поперек с новым интересом. Я не собирался откровенничать с Эвелин, пока не выясню всего сам, поэтому проговорил:

— Обычная сплетня, только и всего. Я полагаю, ему готовы приписать что угодно, включая убийство... Но что это за история с убийством в Марселе?

Было странно разговаривать об этом с Эвелин Чейн, новенькой в ведомстве Г. М. Она указала на блокнот, между страницами которого была вложена газетная вырезка:

— Сегодня я обнаружила эту заметку в «Пари миди». На первый взгляд ее не столь уж многое связывает с Фламаном, но есть кое-что связывающее ее с нашей работой. Это... Ну, в ней есть что-то дьявольское, Кен. Не хочется думать, что мы попали в мир ужасов и мифических тварей... Это случилось прошлой ночью. Читай!

В заголовке присутствовали подходящие случаю эпитеты, и сама история излагалась в том же духе.

Сообщается, что прошлой ночью в парке у бульвара Прадо в Марселе произошла загадочная трагедия. Полицейский, обходивший дорожки после наступления темноты, перед тем как на улицы высыпали желающие совершить вечерний променад, увидел мужчину, который сидел, привалившись к фонарному столбу, у фонтана Гоша. Патрульный подошел ближе, думая, что мужчина пьян, и обнаружил, что тот при смерти, виной чему была ужасная рана, зияющая между глаз.

Одежда жертвы была изорвана, тело покрывали синяки, а правая рука была сломана. Самым тяжелым выглядело пуле-

вое ранение черепа, которое, судя по форме и размерам входного отверстия, было сделано выстрелом из револьвера крупного калибра.

Пострадавшего отправили в больницу Пресвятой Девы, однако он скончался по дороге туда в карете «скорой помощи». Пару раз он пытался заговорить, но произнес одно только слово, причем по-английски. Доктор К. С. Мелисс, хорошо владеющий этим языком, сообщает, что это было слово «единорог».

Засим последовало удивительное открытие. Вопреки ожиданиям, отверстие в голове жертвы оставила отнюдь не пуля. Ни пули, ни чего-либо ей подобного не обнаружили. Это была рана, сделанная острым предметом, проникшим в мозг на глубину четырех дюймов.

Никакого оружия не нашли. Доктор Мелисс сообщает, что требовалась поистине нечеловеческая сила, чтобы вогнать острие в череп на такую глубину, а затем извлечь обратно. Он также утверждает, что никакое известное ему огнестрельное оружие не могло бы нанести рану такого рода.

Собственно, как заметил в шутку доктор Мелисс, единственное, что могло вызвать подобное ранение, это длинный и острый рог крупного животного.

Я поднял глаза на Эвелин, которая ответила мне пристальным взглядом печального, испуганного ребенка. В сумерках фигура ее казалась смутным пятном, размытым в сравнении с красным кончиком сигареты. Слепящие белые фонари вспыхнули среди деревьев, и весь Париж внезапно озарился бледным сиянием, похожим на свет восходящей луны. Надвигалась гроза. Я услышал раскат грома.

Насколько нам известно, это заявление было подтверждено, хотя и в более осторожных выражениях, доктором Эдуаром Эбером, полицейским хирургом департамента Буш-дю-Рон. Нам также сообщили, будто выводы доктора Эбера настолько поразили его самого, что он намерен отправиться в Париж для консультации с экспертами из Сюрте.

Установлено, что погибший — Гилберт Драммонд, адвокат из Лондона. Воспользовавшись сведениями, содержащимися в его паспорте, о печальном происшествии уведомили брата Драммонда, проживающего в Лондоне. Драммонд, приехавший в Марсель из Парижа, в течение трех дней жил в Гранд-отеле.

Нас известили, что полиция располагает ценной уликой.

— Единороги... — начал я и прокашлялся, стараясь подавить тревожные чувства. — Послушай, Эвелин, единорог — сказочное животное, но его фантастичность не идет ни в какое сравнение со всем этим. Имел ли бедняга Драммонд какое-либо отношение к нашей службе?

— Нет. Насколько мне известно, нет.

— А что Фламан?

— Вчера вечером Фламан отправил в редакцию газеты «Ле Журналь» письмо, которое появилось на первой полосе сегодня утром. Все утренние газеты перепечатали его, а вечерние сообщили о реакции на него Гаске. Обрати на это внимание! Письмо Фламана имеет марсельский штемпель и было отправлено вчера, в пять часов пополудни. Я могу повторить его слово в слово. Вот что там говорилось: «Я интересуюсь необычными животными. Завтра, дорогие друзья, я окажусь среди пассажиров авиалайнера, следующего из Марселя в Париж, прежде чем он достигнет пункта назначения. *Фламан*».

— А что насчет сыщика?

Эвелин улыбнулась:

— Он тоже не чужд театральности. Его ответ занял всего лишь строчку. Что-то вроде приписки карандашом на доске объявлений: «Итак, дорогие друзья, я тоже буду там. *Гаске*».

Я улыбнулся в ответ, и мы оба почувствовали себя лучше.

— Письмо Гаске отправлено из Марселя?

— Не знаю. Об этом умалчивают. Газетчики подыгрывают Гаске и держат все в тайне. Но, несомненно, так оно и было. Спичка, поднесенная к запалу, сделала свое дело. Теперь температура горения достигла двух тысяч градусов и огонь грозит расплавить любой металл. Именно Фламан первым догадался использовать микрофон, чтобы прослушивать замок сейфа. Именно Фламан украл изумруды де Рюйтера в Антверпене. И именно он тайно их вывез, несмотря на полицейские облавы по всей стране. Спрятал в шерсти огромного ньюфаундленда, сопровождавшего короля Бельгии, как выяснилось позднее.

Мне ничего не оставалось, как заглянуть в записи Эвелин. Вырисовывалась противоречивая фигура, сочетавшая в себе, с одной стороны, дерзкого храбреца, тяготившего к дьявольским

выходкам напоказ, а с другой — упорного, скользкого и жестокого, как сатана, преступника. Например, пока комиссар полиции распекал за глупость коллег, не сумевших поймать Фламан, некий «рабочий» вошел в полицейский участок — якобы для того, чтобы забрать в ремонт кое-какую мебель, — а вышел оттуда с любимым креслом комиссара под взглядами дюжины полицейских. Точно таким же манером Фламан похитил часы из зала суда, где комиссар давал показания во время судебного разбирательства. Тем не менее Фламан едва не прикончил охранника в Монте-Карло, когда тот застал его врасплох.

Чем больше я читал, тем больше приходил в бешенство. У меня были все основания полагать, что мой паспорт в тот вечер украл именно Фламан. Этот Гаске, наверное, достойный противник. Но хотел бы я посмотреть на дуэль между Фламаном и сэром Генри Мерривейлом. Фламаном нельзя было не восхищаться, но теперь у меня имелся к нему свой личный счет, и я отдал бы правую руку, чтобы поквитаться.

Когда тем же вечером я спускался по лестнице своего отеля, гроза уже разразилась и накрыла чащу из белых фонарей на площади Согласия. Париж погрузился во мглу. На него обрушились потоки воды, то и дело озаряемые зловещим блеском молний. Это буйство не походило на обычную весеннюю грозу, а нам предстояло проехать семьдесят пять миль. У меня имелись международные права, поэтому я сел за руль. Мы пересекли мост Инвалидов, чтобы выехать из Парижа через Версальские ворота. Лавировать в нескончаемой веренице авто стоило немалого труда. Мы оба молчали, прислушиваясь к равномерному скрипу дворников, скользящих по лобовому стеклу, барабанной дробью дождевых капель. Эвелин, одетая в непромокаемый плащ и снявшая шляпку, наконец заговорила:

— Ты прочел?..

— Да.

— И что думаешь?

— Крепкий орешек. И меня беспокоит, по зубам ли он Гаске.

Она рассмеялась, поплотней задвинула боковую шторку, а затем откинулась назад, так что свет огоньков на приборной

панели отразился в ее насмешливых глазах. Она сидела так уютно, словно устроилась у камина, отгородившись от непогоды за окном тяжелыми портьерами.

— Надо думать. А все почему? Ты пока прочел лишь то, что я накопила на Фламана. Если бы ты хоть что-то знал о Гаске, с легкостью поставил бы на него все свои деньги. У меня сейчас нет времени вдаваться в подробности. Но инспектора не зря называют «остряк Гаске». Он из тех, кто разит убийцу эпиграммой и вежливо кланяется, прежде чем выстрелить. Именно он поймал душегуба, который убивал своих жертв при помощи толченого стекла. Гаске такой же яркий, как и его соперник, поэтому ожидается настоящая битва гигантов. Знаешь, Кен...

— Да?

— Понимаешь, если бы не это ощущение... Я ничего не могу с собой поделать... Меня не оставляет чувство, будто происходит что-то гораздо более грозное и опасное, чем можно было ожидать... Если бы не это, я, пожалуй, наслаждалась бы своим участием в этой истории. Вот мы мчимся со свистом бог знает куда и почему. Одному Господу ведомо, когда мы вернемся назад. — Она сделала довольный жест. — В общем, темная дорога влечет нас к темным делам, понимаешь? Ни ты, ни я вообще не имеем понятия о том, что нам делать. И это первый раз, когда даже Г. М. — я знаю — оказался бы в тупике. Почему сэръ Джордж Рамсден должен приехать в Париж, а затем немедленно отправляться в маленькую гостиницу близ Орлеана?.. Хм. Рамсден! Мне удалось исподволь выяснить, что он пользуется немалым влиянием в Министерстве иностранных дел. Ты его знаешь?

Так получилось, что я действительно знал его, и довольно хорошо. Он был известен как прожигатель жизни, поигрывающий на скачках баронет, но это была одна только видимость. Немногие подозревали, насколько тесно он связан с Министерством иностранных дел. Рамсден был хорошим малым. Дипломат под прикрытием, действующий без официальных полномочий, но приносящий империи больше пользы, чем политические деятели, о которых трубят все газеты. Внешне он был полной противоположностью тем привычным посольским чи-

Карр Дж. Д.

К 26 Убийства единорога : романы / Джон Диксон Карр ; пер. с англ. И. Захаряевой, Е. Складенко, М. Тарасова. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. — 672 с. — (Иностранная литература. Классика детектива).

ISBN 978-5-389-25630-9

Золотой век детектива оставил немало звездных имен — А. Кристи, Г. К. Честертон, Г. Леру и др. В этой яркой плеяде Джон Диксон Карр (1906–1977) занимает самое почетное место. «Убийство в запертой комнате», где нет места бешеным погоням и перестрелкам, а круг подозреваемых максимально ограничен, — излюбленный прием автора. Карр заманивает читателя в сети ловко расставленных ловушек, ложных подсказок, обманных ходов и тонких намеков и предлагает принять участие в решении хитроумной головоломки.

В настоящем сборнике представлены романы «Убийства единорога», «Убийства в стиле Джуди и Панча» и «Десять чайных чашек, или Убийство павлиньими перьями», которые продолжают серию о великольном сэре Генри Мерривейле — обаятельном, эксцентричном, взбалмошном толстяке, ставшем, по признанию критиков, одним из самых неординарных сыщиков в детективной литературе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ДЖОН ДИКСОН КАРР
УБИЙСТВА ЕДИНОРОГА

Ответственный редактор Оксана Сабурова
Редактор Татьяна Филатова
Художественный редактор Илья Кучма
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валерий Камендо, Маргарита Ахметова

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 12.08.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 41,16. Заказ № .

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, г. Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-1LD-34601-01-R